

Ю.К. Николаев.
ИЗ ИСТОРИИ ОХОТЫ
КОМИ-ПЕРМЯКОВ

*«... Пермяки почитаются
народом очень древним и в на-
стоящее время
подвластным России. Про-
мышляют они звериною ловлею и
меховою торговлею...».*
(Дж. Флетчер)

На протяжении многих столетий охота имела большое значение в хозяйственной жизни коми-пермяков. Остатки костей диких животных и птиц на археологических памятниках, обнаруженных и исследованных на территории Коми-Пермяцкого округа, свидетельствуют о том, что в древности охотники добывали самых различных зверей – медведей, лосей, бобров, зайцев, куниц, лис, белок и северных оленей. Для добывания крупных животных (медведей, лосей), вероятно, использовались приемы коллективной охоты, при которой важную роль играло устройство охотничьих ловчих ям и загоронок. Каждый древний охотник для осуществления индивидуальной охоты имел копье, нож и лук со стрелами. По сохранившимся преданиям, лук изготавливался из можжевельника или крушины. Эти два дерева обладают особой упругостью, что способствует дальнему полету стрелы. Тетива лука скручивалась из оленьих или лосиных сухожилий. При изготов-

лении деревянной основы лука его обязательно распаривали в воде, и в распаренном виде сгибали, после чего одевали на лук тетиву. Стрелы были длиной до 70 см, и имели хвостовое оперение. Наконечники стрел делались костяные и железные различных форм и величин. Размеры и формы наконечников связаны с различными видами охоты – на крупного зверя (лису – «руч», волка – «коин» и медведя – «ош») и птицу (глухаря, тетерева и рябчика – «сьола») или на пушных зверьков (горностая – «сьодбож», белку – «ур», куницу – «тулан», соболя – «низь», бобра – «мой»). На пушных зверей (белку, соболя, куницу) охотились со стрелами, имевшими тупой наконечник, которые были непригодны для поражения других зверей или птиц, но убивать пушного зверя, не повредив шкурки, ими было удобно.

Встречающиеся во время археологических раскопок наконечники дротиков, копий и топоры могли также употребляться и на охоте.

В северных районах округа отдельные экземпляры луков можно было встретить у стариков-охотников в начале XX в. Вплоть до XVIII в. коми-пермяки платили ясак Московскому царю пушнойной. Первая перепись коми-пермяцкого населения, проводившаяся в 1530 году Иваном Бобровым, велась по количеству луков, то есть по количеству охотников. (Лук – своеобразная единица обложения,

применявшаяся в XV-XVII вв. на землях Урала и Зап.Сибири. Под «луком» подразумевался взрослый мужчина-охотник, ежегодно плативший в казну 2 белки или 2-4 деньги – прим. отв. ред.). Вычегодско-Вымская летопись сообщает: «Лета 7038 (1530) присла Князь Великий Василий Ивашку Боброва с товарищи вычегодские луки писать, и писали те писцы луки вычегодские и вымские, и удорские, и сысольские, и владычни вотчины и на Великие Перми.»

Согласно проведенной переписи, в Перми Великой охотилось 2145 человек, т.е. учтено такое количество луков. По всей вероятности, это была не первая перепись луков, и об этом сообщает нам Уставная грамота, выданная Московским царем Василием III своему наместнику в Перми Великой Василию Ковру в 1505 г.: «Пермские наместники посылают по Пермской земле своих людей, тиунов и доводчиков луков писати и кормов брати, и наместничие-де люди приписывают у них многие луки лишние, и пермичам-де в тех лишних луках чинят продажи и убытки великие».

Фраза в грамоте «...кормов брати...» указывает на то, что царские наместники, тиуны и прочие служивые люди получали плату за свою работу пушниной, т.е. кормились за счет ясака. В 1553 г. Чердынский воевода получал «корм» в размере 2800 шкурок белок в год.

Наместничьи и воеводские чи-

новники, видимо, излишки пушнины прибирали дополнительно к «корму» за счет неполного показа луков и, тем самым, причиняли пермякам «убытки великие».

Обосновавшиеся в XVI в. в пермских землях Строгановы начали свои торговые отношения с коми-пермяками покупкой у них пушнины. В конце 1573 г. в этих местах по специальному указанию царя Ивана IV Яков Строганов скупал соболей и куниц. Наиболее крупным местом сбыта пушнины в XVI-XVIII вв. был город Великий Устюг. «В Устюг жители Пермии, Печоры..., Югрии..., Вогулии, и другие более отдаленные народы привозят драгоценные меха куниц, соболей, волков, рысей... и обменивают их на разного рода товары» - сообщал в начале XVI века итальянский историк Павел Иовий Новокомский, написавший одну из первых книг в Европе о России, где он дает экономическую и политическую характеристику Московскому царству.

Англичанин Дж. Флетчер, прибывший в Россию с дипломатической миссией в 1588 г., написал книгу «О Государстве Русском», где он сообщает, что к «естественным произведениям» России, имеются в виду представители животного мира, которые «отправляемых в большом количестве за границу...» Дж. Флетчер упоминает «меха всякого рода... главные меха суть: ...соболи, рысьи, бурые лисицы, куньи, горностаевые, серые беличьи,

бобровые...». Места, где добываются меха, обозначены автором достаточно конкретно – собольи меха из Сибири, Перми, меха росомахи из Перми, горностаевые – указаны различные районы, в том числе и Пермь.

Какое огромное количество вывозилось из Сибири, в том числе Пермских земель, «мяхкой рухляди» (пушнины), в какой-то степени поясняют таможенные книги г. Устюга Великого. За один только год, с сентября 1676г. по август 1677г. была взята пошлина с привезенных 3921 шт. соболей.

Таможенные записи свидетельствуют, что, кроме соболей, привозились шкурки бобров, лисиц красных, норок, куниц, росомах, барсуков, зайцев, горностаев, медведей, оленей, лосей.

Особым товаром были лечебные «бобровые струи». Утки, как промысловый товар, солились и продавались в бочках. Встречаются и выражения, подчеркивающие плохой сорт собольих шкур «соболишки», а хорошего качества просто «собольи».

Интересен тот факт, что из собольих шкур, как говорят «отхода» не было. В продажу шли и «лапки собольи», и «пупки собольи», и «хвосты собольи», которые шли отдельным товаром от «собольих шкур» и, по всей вероятности, пользовались спросом так же, как и «лапки лисью».

Охота, как основной промысел, у коми-пермяков сохранялся вплоть до начала XVIII в. Приход

русских на земли коми-пермяков приводит к заметному упадку охотничьего промысла у коми-пермяков, проживающих по рекам Иньва, Юсьва. Упадку охотничьего промысла во многом способствовал запрет Строгановых, на землях которых находились основные поселения коми-пермяков, ставить охотничьи избушки, устраивать путики в их лесах.

С появлением железоделательных и медеплавильных заводов, которые возводились Строгановыми на землях коми-пермяков, меняется и хозяйственная жизнь местного населения. Большую часть времени коми-пермяки были заняты на заводских работах: заготовке леса для заводов и сплаве его по рекам.

В XIX в. количество охотников-промысловиков значительно уменьшается, и охота у коми-пермяков становится подспорьем к сельскохозяйственному труду, и уже не составляет главный источник дохода.

В начале XX в. охотой, как дополнительным заработком, по данным И.Я.Кривошекова занимались сотни жителей Чердынского уезда, на территории которого находились десятки деревень, где проживали коми-пермяки или «обрусевшие пермяки» [Кривошеков. 1914].

Вот перечень некоторых селений, где сохранялся охотничий промысел коми-пермяков: дер. Анкудинова, Базуева, Иванчино Гайнской волости, дер. Архипова,

Бажева, Бачманова Юксеевской волости, дер. Багай Косинской волости, дер. Бадья Аннинской волости, дер. Бажуполь, Большая Ульва Урольской волости, дер. Антипина, Большое Заполье, Иванчина Верх-Язьвинской волости.

Из числа добываемых зверей и птиц главное место, бесспорно, занимали белка, заяц, рябчик, тетерев и утка и более редкой становится охота на лисицу, горноста, волка, медведя, глухаря.

На белку и рябчика охотились с сентября до глубокого снега и, бывало, весной, в марте и апреле. Популярна была добыча тетеревов и глухарей на весеннем току, во время азартных любовных игр птиц.

Зайца промышляли с сентября по март месяц и чаще всего ради мяса к праздничному столу.

Описывая пищу пермяков в середине XIX в. Н.Рогов, автор книги «Материалы для описания быта пермяков», писал: «У пермяка мало-мальски исправного, да если к тому он еще охотник, почти всегда есть в запасе «птица» либо домашняя, либо лесная: куры обыкновенные, индейки, гуси, рябчики, тетерева, глухари... Пермяк редко продает птицу, но преимущественно ест ее сам по праздникам и потчует ею званых и названных гостей, - последних впрочем только тогда, когда они люди нужные или имеют на него влияние. Чаще всего птица употребляется печеная, весьма редко жарен-

ная. Между прочим замечателен пермский способ приготовления впрок рябчиков. Для этой цели рябчиков осенней ловли, посолив крепко, привешивают под кровлю, на свободный воздух, где и оставляют их, пока они совершенно высохнут, часто столь сильно, что едва уступают ножу и зубам. Такие рябчики, без значительного повреждения, сохраняются около года. Едят их сухими или распаренными во щах. Вяленые рябчики не имеют своего природного вкуса; но, по излишней сухости и солености, походят более на соленую сухую судачину».

Исследователи коми-пермяцкого образа жизни отмечали, что популярное народное кушанье пермяков пельняни (пельмени) (пель-ухо, нянь-хлеб,- хлебное ухо) не делались из мяса диких зверей, а в основном из домашних.

В XVIII в. в арсенал коми-пермяцких охотников стало входить огнестрельное оружие. Тем не менее, лук и лучные самострелы (образец такого самострела представлен в экспозиции МАЭ ПГПУ) использовались на севере округа вплоть до XX в., а лучные самострелы можно было встретить в северной тайге даже в 50-х годах двадцатого столетия. Появившиеся в XVIII в. ружья с кремнево-ударным замком больше двух веков верой и правдой служили охотникам-пермякам. Основной причиной такого долголетия была их безотказность и простота конструкции, позволявшая делать

Охотник коми-пермяк в лузанах и со снаряжением для ружейной охоты. Д. Лупьинский мыс. Гайны. Рис. по фотографии 1910г.

любой ремонт, вплоть до замены ударного замка на сельской кузнице. Для охоты на лосей и медведей служили «турки» - кремневые ружья с диаметром ствола 12 миллиметров. Кремневые ружья на севере округа продолжали применяться охотниками до конца XIX в., постепенно уступая место тоже шомпольным, но уже курковым, «пистонным» ружьям. Пистонные ружья были преимущественно од-

нствольные, изготовленные на Ижевском оружейном заводе. Ружья, как и порох, дробь, пистоны, покупались на ярмарках, которые происходили при заводах Пожевском, Никитинском, Кувинском, Чермозском и волостных селах Юсьве, Юрле, Косе. Порох охотники расходовали очень экономно. Одним из основных видов охоты с ружьем была добыча белок, при отстреле которых тратилось наименьшее количество пороха – из 425 граммов получалось до 500 зарядов. Коми-пермяки практически не стреляли с руки и обязательно использовали в качестве сошки-упора охотничью палку «койбедь», либо ветку дерева. Удачная охота на белку, лося, медведя, оленя, глухаря, соболя, куницу зависела от рабочих качеств собаки, которая была верным помощником охотника.

Необходимым атрибутом охотника являлся специальный пояс, который, как правило, был кожаный. Он носился через плечо и на нем крепились пороховница, мешочки с дробью и кремнями или пистонница. Такие предметы представлены в этнографических фондах МАЭ ПГПУ. Чаще всего пороховница, сосуд для хранения пороха, делалась из нароста на березе под названием «кап». Обязательным элементом костюма охотника был нож. Охотничий пояс одевался поверх полосатого, из грубого домотканого сукна «лузана», своеобразной куртки-безрукавки, оберегавшего охотника от ветра,

дождя и снега. На спине к лузану пришивалась кожаная петля, куда крепился топор – важнейший предмет охотничьего промысла. Отдельные охотники пермяки охотились вплоть до 40-х годов XX в. шомпольными пистонными ружьями, которые позднее были вытеснены казнозарядными ружьями. Но кроме активных орудий охоты (лук, ружье) пермяки широко использовали и пассивные орудия охоты, не требующие участия человека в процессе добычи дичи. Для этих целей применялись самоловы различного типа. Использование самоловных орудий охоты имеет древние традиции. Наиболее распространенным был промысел зверей и птиц петлями. Ими, изготовленными из конского волоса, ловились рябчики, тетерева и глухари. Для ловли рябчиков применялся силок-петля – «лэч». Ловля рябчиков происходила следующим образом. На сучьях двух деревьев, находящихся друг от друга на расстоянии до 2,5 метров, клали еловую палку, на которой оставляли две противоположные ветки. Эти ветки загибали и связывали сверху, получался своеобразный проход, кверху которого подвешивалась петля из конского волоса. На подходах к петле с той и другой стороны прикреплялись гроздья рябины. Рябчик, привлеченный ягодами рябины, опускался на еловую палку и, желая достать ягоды, передвигаясь вперед, попадал в петлю. Такие петли на рябчиков можно встретить и в насто-

ящее время осенью в Коми-Пермяцком округе.

Бытовавшие у пермяков-охотников названия орудия лова – тене-та, сети, перевес, сильцы, кляпцы – встречаются также в описании древнерусской охоты, что свидетельствует о ранних охотничьих отношениях русских и коми-пермяков.

Наиболее простым способом ловли лосей и оленей была петля (именуемая еще и силками). Простейшее устройство петли – это незаметно натянутая на соответствующей высоте между ветвями деревьев на тропе лося или оленя. Попадая головой в петлю, зверь приводит в движение ветки, которые распрямляются, и петля затягивается. Обычно петли плелись из конского волоса.

Еще в XIX в. у пермяков была широко распространена охота на зверей при помощи сетей или тенет, расставляемых в лесу на ровных местах близ рек и озер. Для ловли уток применяли большую тонкую сеть (перевес). Ее развешивали отвесной стеной на пригорке и как можно выше укрепляли на деревьях. Ловили уток обычно в период от заката до восхода солнца. С помощью сетей ловили гусей во время линьки, когда гуси не могли летать. Отыскав стаю гусей, охотники сгоняли их в реку и плыли за ними, загоняя их в специальный загон, окруженный сетями. Здесь их убивали часто палками. За одну такую «охоту» охотники могли набить десятки гусей.

Чаще всего добытых таким образом птиц покупали чердынские купцы.

Коми-пермяцкие охотники из деревни Пуксиб на реке Косе и деревни Купрос на реке Иньве имели по этим рекам птичьи ловли, с которых платили в XVII и начале XVIII в.в. денежные оброки. По малым рекам у охотников находились так называемые «бобровые гоны», где происходила добыча бобров.

Сети применялись и при охоте на зайцев, только ячейки сетей делались более крупными. Облавная охота с сетями на зайцев обычно проходила осенью, и в ней принимали участие ни один десяток охотников. Несколько человек оставались около сетей, которые растягивались вдоль земли на длинных шестах, а остальные с собаками гнали зайцев в сети. Сетями коми-пермяки пользовались при охоте на куницу. Обнаружив куницу, забравшуюся от собак под корень или в дупло дерева, охотники навешивали сеть на колья вокруг него. Затем охотники старались выгнать куницу различными способами – пробивали снег жердью под корень, стучали обухом топора по дуплу, бросали дымники в дупло, то есть применяли всевозможные методы для того, чтобы выгнать куницу из ее убежища. Подобный метод охоты на куницу охотники применяют и в настоящее время.

В XIX в. коми-пермяцкие охотники начинают использовать же-

лезные капканы, способ применения которых был заимствован у русских. Об этом свидетельствует русское название капкана и отсутствие в языке коми-пермяков своего словесного обозначения этого орудия лова.

Многообразие охотничьих приспособлений свидетельствуют о знаниях повадок и особенностей животных, на которых охотились коми-пермяки. Разумеется, охотники хорошо знали и весь их биологический цикл. Коми-пермяцкие народные сказки, идущие из устных рассказов, где действующие лица – животные, зоологически точно подмечают повадки зверей и птиц, обитателей пермской тайги.

Особую значимость для коми-пермяцких охотников играли охранительные амулеты, «придающие по представлениям древних, силу, защищающие от колдовства и болезней» [Крыласова, 2001, с. 94].

Анализ амулетов, обнаруженных при раскопках городища Анюшкар, «показал, что использовались клыки соболя, барсука, росомачи... Одним из наиболее распространенных у фино-угров, амулетов, носимых на поясе, был медвежий клык. Медведь являлся одним из наиболее почитаемых финно-уграми, животных» [Крыласова, 2001, с. 94].

Кстати, этот обычай сохранился до XXI века. На охотничьей тропе можно встретить пермяка-охотника, носящего на шее медвежий

коготь как талисман, который должен приносить удачу в охоте.

Медведь являлся и воплощением лесного духа – хозяина у коми-пермяков, потому охота на живого зверя превращалась в особый ритуал. Перед убитым медведем полагалось извиниться, говоря: «Не сердись, так уж тебе суждено».

Сердце первого убитого медведя, которое необходимо было съесть в сыром виде охотнику, наделяло его (охотника) отвагой, мужеством и силой.

Вполне вероятно, что выделение медведя среди других представителей таежного мира особую роль сыграли его внешнее сходство с человеком, а так же его огромный рост и сила.

В честь хозяина тайги слагались сказки и песни, предания и легенды. Древнейшим эпосом коми-пермяков был эпос о Кудым-Оше (Ош – по коми-пермяцки «медведь»), лесном богатыре Кудыме, защитнике от врагов, народном герое. По легенде он научил людей добывать огонь, плавить металлы, строить рубленые избы, пахать землю. Богатырская сила и медвежья ловкость, порядочность и справедливость – этими качествами был наделен герой, происходивший из рода медведей.

Обрядность и поклонение медведю возникли из первобытных представлений о том, что он подобен человеку и все понимает. Более того, он существо высшее. Охотники уверены были, что мед-

ведь имеет человеческий ум и совесть. Они не называли медведя по имени, а говорили с уважением и страхом «Он».

В поверьях коми-пермяцких охотников говорилось, что медведь – это человек, превращенный волшебством в зверя. Именно поэтому он сам никогда не нападает на человека. Нападает лишь из-за мести за причиненное ему беспокойство или в отмщение за совершенный грех.

Но случались и смешные курьезы. Один из курьезов сообщал коми-пермяцкий писатель И.Я. Кривошеков – повествуя о селе Верх-Язьва начала XX века: «... к особенностям жизни в селении нужно отнести то, что представитель, изображенный на гербе губернии (*медведь* – Ю.Н.), здесь имеет полное право гражданства, не только душит скот, но затрудняет проезд в экипажах по тракту, гоняясь за пассажирами». Эти строки вызывают удивление, но и одновременно убеждают в том, что «хозяин тайги» зверь непредсказуемый, и от него можно ожидать любых курьезов. Да и, видимо, не случайно, ведь в его поведении очень много «человеческих» черт. В старину охотники из деревни Монастырь Гаинского района говорили: «Медведь человеческий, человеческого рода, и родня человеку».

И не случайно лайки облаивают зверей и птицу по –разному, человека и медведя – одним голосом. Собака как бы чует в нем челове-

ческое начало.

«Он», «Сам», «Хозяин», «Овсяник», «Зверь» – вот названия, передающие силу впечатления производимого таежным гигантом на людей. В этих же именах есть и симпатия к медведю и его положение в лесной иерархии. Похоже, не случайно, медведь был основной гербовой фигурой Перми Великой с XVI века, а позднее с достоинством занял почетное место на гербе Пермской губернии, а ныне - на гербе Коми-Пермяцкого округа, Пермского края и городов Кудымкара и Перми.

Покровителем коми-пермяцких

охотников являлось божество Войпер (Войпель) - Северный Пер. Вероятно, и имя легендарного коми-пермяцкого героя-охотника Перя-богатыря связано с культом Войпера.

Привлечение в полном объеме памятников материальной культуры, их музеефикация и подробное описание, несомненно, откроет будущим исследователям широкие перспективы изучения промысловой и любительской охоты коми-пермяков, которая, как доказывает статья, традиционно была частью хозяйственной деятельности коми-пермяков.